

Проводимый Л. Мавромматисом анализ идеологических установок господствующего класса обусловлен, судя по всему, пониманием сути общественной системы поздней Византии как абсолютной монархии (с. 30, 48).

Согласно концепции Л. Мавромматиса, во времена первых Палеологов прослеживалось сосуществование двух идеологических направлений — «идеологии единой вселенской империи», с одной стороны, с другой — «идеологии феодальной державы» (с. 119). Ученый доказывает, что первое направление безраздельно доминировало, и потому неоднократно говорит о «господствующей идеологии» (с. 45, 78, 95). Ее единственным источником является безраздельная императорская власть (с. 63). Реконструируя официальную идеологическую доктрину, Л. Мавромматис демонстрирует на примере Андроника II и его соправителей тот факт, что в случае одновременного существования нескольких носителей императорского титула официально принятая догма требовала их единогласного волеизъявления (с. 44). Наиболее прочной опорой этой идеологической системы, как с полным основанием утверждает исследователь, служила церковная ортодоксия; это была идеология и византийской бюрократии, домогавшейся должностей и чинов (ср. с. 33, 36—37, 55).

Греческого византиниста нельзя упрекнуть в прямолинейном осмыслении понятия «идеологии» как отражения исключительно официальных воззрений представителей господствующего класса. Л. Мавромматис не отрицает формирования отличных от официальных идеологических установок у оппозиционных общественных кругов. К сожалению, истолкование идейных взглядов членов феодальной оппозиции неоправданно упрощается. А это, в свою очередь, ведет к недооценке и искажению характера идеологических изменений, их воздействия на политическую жизнь страны. Л. Мавромматис убедительно показывает, что социально-экономическое развитие поздней Византии, борьба в лоне церкви, колебания внутреннего и внешнеполитического курса вели к необратимой перестройке «господствующей

щей идеологии» (ср. с. 33, 35, 36, 45, 63, 95). Однако этот процесс не связывается непосредственно с идейными предпосылками политических устремлений феодальной знати. Так, в интерпретации ученого борьба враждующих группировок господствующего класса за власть в период гражданской войны 1320-х годов ни в коей мере не затронула существующей идеологии (с. 58). Аналогичным образом объясняется идейная подоплека событий гражданской войны 1340-х годов. Алексей Апокавк и патриарх Иоанн Калека, сподвижники императрицы Анны, регентши малолетнего наследника императорского престола Иоанна VI Палеолога, представляемые как разрушители господствующих идеологических воззрений, сами по себе, по словам ученого, «не были носителями какой-либо идеологии и политической программы» (с. 88, 95). Их главный политический противник — Иоанн Кантакузин признается узурпатором, для которого «не было идеологической или политической позиции внутри империи» (с. 97). С точки зрения Л. Мавромматиса, действия противоборствующих сторон приобретают идеологическое обоснование лишь после их примирения. После того как в 1347 г. Иоанн Кантакузин занял Константинополь, столица снова, по выражению ученого, начинает играть «роль единственного идеологического и политического центра империи» (с. 103). Наконец, в истоках зилотского движения 1340-х годов в Фессалонике автор усматривает различные идеологические и политические течения (с. 98—99). Но лапидарность источников, согласно оговорке ученого, не позволяет достоверно исследовать ни политической деятельности зилотов, ни их политической программы, ни идеологии (с. 100).

Материалы о поздневизантийской политике и идеологии, собранные в монографии Л. Мавромматиса, нельзя считать исчерпывающими. Вместе с тем очевидно и другое. Обращение ученого к изучению взаимообусловленных закономерностей развития политики и идеологии поздневизантийского общества определяет научную актуальность исследования.

Ю. Я. Вин

Mundell Mango M. Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and Related Treasures / Publ. by the Trustees of the Walters Art Gallery. Baltimore (Maryland), 1986. XVI. 294 p.

Книга М. Манделл Манго была выпущена к выставке «Серебро ранней Византии», открытой в галерее Уолтера в Балтиморе с 18.4 по 17.8 1986 г. и приуроченной, так же как и выставка в Принстоне¹, к XVII международному конгрессу византистов. Книга состоит из трехчастного введения, трех глав, каталога серебряных вещей из Каперкороан (Сирия) и других, связанных с этим кладом предметов. Первая часть введения, написанная директором галереи Уолтера Р. Бергманом,

содержит биографические сведения и оценку деятельности одного из видных американских коллекционеров и меценатов Генри Уолтера — создателя второго в США, после Метрополитен музея, собрания памятников византийского прикладного искусства. Вторая (автор Г. Викэн) — дает краткое резюме книги «Серебро ранней Византии». Третья часть введения написана М. Манделл Манго и вводит читателя в круг тех проблем, о которых пойдет речь в собственно ис-

¹ Ćurčić S., St. Clair A. Byzantium at Princeton: Catalogue of an Exhibition at Firestone Library (Princeton University August 1 through October 26). Princeton. 1986.

следовании. Книга является частью диссертации М. Манделл Манго «Художественное меценатство в римском диоцезе Восток в 313—641 гг.», защищенной в 1984 г. в Оксфордском университете. В своем исследовании автор предполагает ответить на три вопроса: находились ли церкви, в которые, согласно посвячительным надписям, были поднесены найденные в Сирии изделия из серебра, в городах или при виллах земельных магнатов? Были ли среди их-воту предметы, которыми пользовались не только в городской, но и в деревенской церкви? Каковы размеры каждого вклада в церковь в солидах? М. Манделл Манго анализирует состав десяти кладов, 8 из которых были найдены на территории Сирии, 1 — в Великой Армении, 1 — в Италии; предметы из этих комплексов имели посвящения св. Сергию, Христу, Богородице, святым Симеону столпнику, Стефану и Георгию.

В главе 1 «История кладов из Стумы, Рихи, Хамы и Антиохии» рассматриваются такие вопросы, как экономическая суть донатства в IV—VII вв., местоположение Каперкораон, отождествление донаторов с некоторыми историческими персонажами, регулярные и иррегулярные клейма на серебре в связи с проблемой локализации. М. Манделл Манго показывает, как с момента официального утверждения христианства церкви становятся держателями больших ценностей: так, когда в 311 г. Константин Великий конфискует сокровища языческих храмов и передает их церквям, Латеранский собор, например, получает около 11 фунтов серебра; на украшение св. Софии в Константинополе Юстиниан I в 537 г. отпускает 40 фунтов серебра, а Хозрой II, ограбив церкви Эдессы, вывез из города 112 фунтов серебра. По закону 321 г., христианским храмам предоставляется возможность получать по завещанию деньги, дома, различные ценности. В церквях, подобно тому как это имело место в языческом храме Сатурна, производилось взвешивание золота и серебра (Новелла 545 г.).

На примере сокровищницы храма Гроба Господня в Иерусалиме (данные 570 г.) и многочисленных кладов церковных сокровищ М. Манделл Манго показывает, что подносились не только предметы, которые могли быть использованы в литургии, но и вещи чисто светского назначения: браслеты, зеркала, ложки. Конкретное представление о размере церковных сокровищ вытекает из особой подачи материалов в каталожной части книги, где характеристика дается в четырех параметрах: помимо современных метрических единиц измерения и английских фунтов, в римских литрах и унциях и в солидах. Через всю работу красной нитью проходит мысль о том, что драгоценности могли сосредотачиваться не толь-

ко в известных храмах, но и в церквях небольших городов и даже при виллах частных лиц. Термины «χώμη» и «γυρίσιον», фигурирующие перед топонимами Φέλλα, Βηθμισόβα, Κατροουράων и др., как раз и указывают на такую возможность. Поиски центра, который был бы одинаково близок и к Антиохии, и к Хаме, и к Рихе, и к Стуме, где в общей сложности было сосредоточено 56 серебряных предметов, на части из которых упоминалась «χώμη κατροουράων», привели М. Манделл Манго к выводу, что он может быть идентифицирован с современной арабской деревней Курин. Некогда это был процветающий район, славившийся производством оливкового масла и вина. В современной Курин нет церкви, но в здании мечети, так же как и в жилых домах деревни, использованы части ранневизантийских построек.

Любопытны, хотя и не бесспорны, замечания М. Манделл Манго о титулах и общественном положении некоторых из донаторов. Основываясь на работах Д. Фейселя², автор показывает, что эконконсул, патрикий и куратор Мегалл — это один из шести главных царедворцев Константинополя, которому в 587 г. было адресовано послание меровингского короля Хильдеберта, начинавшееся словами — ad Megantem curatorem. Этот персонаж тождествен Магнусу Сирийцу, комиту общественных щедот и коммерциарию Антиохии, который, по данным Иоанна Ефесского, строит в 581 г. в своем родном городе Ногин церковь. В противоположность общепринятому мнению, что Ногин-Nawarin (греческая Эвария), М. Манделл Манго считает, что Ногин — это Курин. Она же полагает, что другой донатор, Сергей, названный в посвящении аргиропратом и трибуном, был барбарикарем, так как его двойной титул понимается как tribunus fabricae. В церковь при вилле в Курин было сделано четыре крупных вклада, которые имели место в периоды значительных общественных потрясений. Так, первый вклад мог быть сделан вскоре после 540 г., во время грабежей Хозроя I; второй — после 570 г., во время второго персидского похода; третий — в смутные годы правления императора Фоки и последний — во время арабского нашествия. В храме Курин не было особенно массивных изделий из серебра. Самой значительной вещью был антиохийский крест (№ 42 по каталогу), имевший вес 18 фунтов, т. е. 72 solidi (для сравнения; вес известного диска епископа Патерна в собрании Эрмитажа — 6224 г., — равняется 83 solidi).

Относительно пробирных знаков на серебре М. Манделл Манго, игнорируя выводы исследований Э. Додд³, утверждает, что изделия с клеймами выполнялись на государственных предприятиях — безразлично в Константинополе или в дру-

² Feissel D. Remarques de toponymie syrienne d'après des inscriptions grecques chrétiennes trouvées hors de Syrie // Syria. 1982. T. 59. P. 319—343; *Idem*. Mégas et les curateurs des «Maisons divines» de Justin II à Maurice // TM. 1985. T. 9. P. 465—476.

³ Dodd E. C. Byzantine silver Stamps. Wash., 1961; *Idem*. Byzantine silver Treasures: Monographien der Abegg-Stiftung. Bern, 1973.

гих городах империи, а без клейм — в частных мастерских. Предметы с иррегулярными клеймами специально не рассматриваются.

Глава 2, «Современная история кладов из Стумы, Рихи, Хамы и Антиохии» посвящена выяснению первоначального состава этих комплексов, происхождению вещей, их составлявших, уточнению современного местоположения памятников. Автор считает, что все четыре клада принадлежали деревенским церквям, все они сопоставимы по ценности и художественным достоинствам, имеют сходные привязительные надписи и относятся приблизительно к одному времени. Все четыре клада, вместе взятые, — М. Манделл Манго не исключает, что это мог быть вообще один клад, но попавший в руки разных кладоискателей, — это и есть, по ее мнению, сокровище Капрокороан, посвященное в церковь местечка Курин.

Глава 3 «Технически» особенности предметов из клада Хама в галере Уолтера» (авторы К. Э. Сноу и Т. Д. Вайсер) содержит четыре заслуживающих внимания вывода: 1. Отсутствуют технические различия между предметами с клеймами и без пробирных знаков. 2. В составе черни отсутствует свинец, что отличает изделия доиконоборческого времени. (К таким же выводам пришла и лаборатория Музея искусства и истории в Женеве) ⁴. 3. На вещах из Хама золочение производилось только золотой фольгой, следов ртутной амальгамы не было обнаружено ни на одном из памятников. Это обстоятельство любопытно сопоставить с выводами физической лаборатории Эрмитажа, установившей, что золочение ртутной амальгамой имело место на изделиях не столичного производства и даже просто варварской работы, например, на блюде со сценой Кормления змеи (Малая Азия), на амфоре и диске епископа Патерна из Перещенина ⁵ (последние были выполнены в Константинополе, но получили золочение в ставке хана Великой Болгарии Куврата) ⁴. Способ обработки металла (чекан,ковка) влиял на его состав, т. е. на концентрацию различных примесей в массе серебра, так что, например, лицевая и оборотная стороны одного и того же предмета оказались имеющими разный состав.

Большая часть работы (с. 68—278) занята каталожными описаниями памятников (106 №). Она выполнена на высоком научном уровне: это, по существу, собрание небольших атрибуционных статей. Материал сгруппирован покладам, а в пределах одного комплекса — по видам изделий. Особыми достоинствами каталога следует признать: 1. блестящее знание автором письменных источников, содержащих специальную терминологию и описывающих литургическую практику,

различные законоположения и церковные каноны, которые могли иметь отношение к рассматриваемым *ex voto*. 2. Экскурсы, касающиеся формального и функционального развития того или иного вида предметов на протяжении нескольких веков. Особенно обстоятельны разделы *ligula* (ложки), *farum cantharum* (лампы), *kyathos* (черпаки со сливом), *ethmos* (цедилки) и *rhypidion* (рипиды). 3. Новая и весьма убедительная интерпретация серебряных пластин с изображениями апостолов из Метрополитен музея и из Лувра: они не украшали, как раньше считалось, книжный оклад, а служили облицовкой рукавов деревянного креста, на перекрестье которого находилось изображение Христа или креста. 4. Введение в научный оборот малоизвестных или вовсе не известных до сих пор памятников.

К первым относятся диски типа блюда епископа Патерна с упоминанием в посвящении «*χρηρίου Σαραβίου*» (частное собрание в Швейцарии); два креста с клеймами 527—547 гг. с изображениями Христа, Богородицы и архангелов и более поздними армянскими надписями, в которых упомянут св. Георгий (Археологический музей Стамбула); клад, состоящий из четырех потиров, диска и ложки из *Gallunianu* (Сиенская пинакотека). Ко вторым — два новых приобретения Музея Метрополитен: шестигранное кадило (клеймо 582—602 гг.) с изображениями Христа, Богородицы, апостолов Петра и Павла и архангелов, ваза VI в. с Поклоном волхвов и поступившая в музей Сан Луи серебряная коробочка VI или VII в. с греческой посвященной надписью — подношение диакониссы Тиберины св. Стефану. На этом предмете имеется также надпись, указывающая вес, оказавшийся вдвое больше реального. Среди образцов ранневизантийской торевтики — это второй такой случай, первый — дает весовая надпись на ручке ковша из Перещенинского клада, где указан общий вес ковша и кувшина ⁶; 5. Каталог серебряных вещей удачно дополняют различные другие подношения: литургические книги и шелковые ткани. Особенно любопытен греческий папирус из Ибиона (Египет) с длинным списком подношений в местную церковь.

Научный каталог М. Манделл Манго является бесспорным вкладом в изучение памятников византийской торевтики. Однако общая концепция автора, сводящаяся к утверждению, что предметы из четырех основных сирийских кладов были поднесены в один храм, находившийся в поместье Каперкороан (Курин) патриарха и куратора Мегала, вызывает возражения. Они следующие. Если название места, данное к тому же в родительном падеже (например... *ὄπερ εὐχῆς Δαμιῆλου καὶ Σεργίου*... *κώμης) Капрокороάν*, следует за именами донаторов,

⁴ *Lazovic M., Dürr N., Durand H. et al. Objets byzantins de la collection du Musée d'art et d'histoire. Genève, 1977. T. 25. P. 60—61.*

⁵ *Bank A. L'art byzantin dans le musée de l'Union Soviétique. Leningrad, 1977. Pl. 57—59, 66—68, 70.*

⁶ *Bank A. Op. cit. Pl. 64—65.*

то обычно его принято трактовать как место происхождения последних и возможное место изготовления вещи, а не как местонахождение храма, в который был поднесен дар. Кроме того, только на пяти из 56 предметов фигурирует топоним Капрокораон, причем в различной транскрипции (*Καπροχοράων*, *Καπερχοράων*, *Καπροχοράον*, *Καπροχλοχοράον*), что, очевидно, указывает на то, что предметы были выполнены в одном центре, но не в одной мастерской, и предполагает наличие либо большой мастерской торевтов, либо нескольких мастерских, что возможно только в условиях города.

Как показал анализ надписи на потире с четырьмя святыми из галереи Уолтера, такие предметы изготавливались впрок, на них указывался только вид подношения, а имя дарителя добавлялось позднее, после приобретения вещи⁷. Это известное обстоятельство М. Манделл Манго обходит молчанием. Капрокораон должен был бы быть прежде всего городом или значительным монастырским центром, но не поместьем. Приведенные автором данные, при всем их интересе для раскрытия экономической сути донаторства, не мо-

гут считаться достаточными для опровержения точки зрения, что серебряные предметы из клада Хама, посвященные св. Сергию, принадлежали знаменитому храму этого святого — храму св. Сергия в Резафе. Капрокораон же — это Кара (античный Карополис) — город, который находился на пути к Резафе и где паломники могли приобретать необходимые им votivные предметы⁸.

Хотелось бы еще сделать два замечания более частного порядка. Бездоказательно утверждение, что один из донаторов — епископ Амфилохий имел отношение к церкви в Курин. Настаивая на этом, автор должен был бы опровергнуть нашу аргументацию, что это был епископ г. Сиды в Памфилии⁹. Предполагая, что знаменитая антиохийская чаша, как и кубок из Мцхеты (Эрмитаж), имела внутреннее стеклянное вместилище и потому использовалась как лампа, следовало бы обратить внимание на реплику Иоанна Златоуста о чашах (сосудах для питья, а не лампах) антиохийских богачей, которые были выполнены из стекла, но снаружи окружены серебром¹⁰.

В. Н. Залеская

⁷ *Zallesskaja V.* Die byzantinische Toreutik des 6. Jahrhunderts: Einige Aspekte ihrer Erforschung. *Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter.* В., 1982. S. 109—110.

⁸ *Залеская В. Н.* [Рец.] *E. Cruikshank Dodd.* Byzantine silver Treasures. *Abegg Stiftung.* Bern, 1973 // *ВВ.* 1977. Т. 38. С. 225—226.

⁹ *Zallesskaja V.* *Op. cit.* S. 106.

¹⁰ *Банк. А. В.* Прикладное искусство и ремесло // *История Византии.* М., 1967. Т. 1. С. 478.